

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Компьютерный дизайн обложки *Анастасии Орловой*

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Усмешка Люцифера. Перстень Иуды-4 : [роман] / Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-116746-2

Музейный сотрудник Трофимов изучает историю странного артефакта — перстня из неизвестного металла и с неизвестным камнем, который, по преданию, принадлежал Иуде и обладает магическими свойствами. А в это время в криминальном мире бурлит жизнь: вор Студент мечтает украсть шапку Мономаха, налетчик Голован ищет нарушителя воровского закона уркагана Лютого, идет жестокая борьба за власть — убийства и «разборки» следуют одно за другим. И в центре этих событий тот самый перстень, который действительно ощутимо меняет судьбы своих владельцев. Несколько столетий назад он принес молодому моряку Френсису Дрейку славу жестокого пирата, рыцарство и адмиральский мундир, а в завершение — мучительную смерть. Будут ли криминальные авторитеты счастливее?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-116746-2

© Корецкий Д.А.
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть первая

НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ТРОФИМОВ

Глава 1

Пропавший перстень

Ленинград, 1961 год

Сторож Сергеич, убитый точным ударом колющего предмета в область сердца, теперь взирал на мир из траурной рамки на специальном столике в вестибюле отдела Западноевропейского прикладного искусства и оружия Государственного Эрмитажа. На расплывчатой карточке, переснятой с его паспортной фотографии, Сергеич был как стекло трезв, непривычно строг, чисто выбрит и выглядел гораздо моложе, чем его запомнили сотрудники отдела. Но и в тогдашних его глазах таилась тоска, будто знал наперед Сергеич, что суждено стоять ему в почетном карауле по случаю собственной кончины.

Семь дней простояла в вестибюле фотография в компании двух пыльных искусственных гвоздик и таблички с надписью «Митрохин Виктор Сергеевич, 1898—1961 гг., погиб при защите социалистической собственности». Сотрудники проходили мимо по своим делам, нет-нет да спотыкаясь иногда взглядами о покойного Сергеича.

— Митрохин, хм... Оказывается, и фамилия была у человека, и имя...

— Был бы жив, так и не узнали бы... А он героизм проявил...

— И все-таки ужасная смерть... С открытыми глазами умер, и не просто открытыми, а будто увидел что-то такое, ужасное... Говорят, такой силы и точности был удар, как профессиональный хирург сработал...

— Хирург с заточкой, ага, конечно... Может, черт с вилами?

— А кто сказал, что заточка? Не факт. Узкий колющий предмет, а это все что угодно может быть. Может, каким-нибудь старинным стилетом и уколошили, не удивлюсь... Он же все болтал про каких-то призраков в Рыцарском зале. Вот и доболтался...

— Пил человек как лошадь, это каждому известно. В белой горячке чего только не привидится. Только ведь из оружия на том стенде ничего не пропало, перстень один и унесли...

— Так вот в нем-то все и дело. Нехороший это перстень, все так говорят. Киндяеву нашему вон руку едва не прожог. А одной сотруднице в 38-м чуть палец отпиливать не пришлось, когда она его надела...

— Нечего было надевать музейный экспонат, за то и поплатилась...

— А завождем тогдашняя, она за что? У нее мужа арестовали сразу после того, как этот перстень у нас появился. А потом и ее саму сослали в степи, и где она теперь — неизвестно. Получается, кто к нему ни прикоснется, всем так или иначе платить приходится...

— Как же тогда Трофимов, эмэнэс наш молодой? Он этим перстнем занимался в последнее время, к Сомову за заключением бегал, он его и в экспозицию протолкнул — и ничего, жив-здоров...

— Все это до поры до времени, попомни мое слово. Трофимов тоже в последнее время какой-то стукнутый ходит...

Разговоры, разговорчики, перешептывания, сплетни, слухи поползли, побежали по отделу, как тараканы. Сергеича в конце концов похоронили, фото вместе со столиком из вестибюля убрали, нового сторожа наняли (язвенник, непьющий, это был принципиальный момент). Сигнализацию заменили на какой-то усовершенствованный вариант. Витрину, где находился злосчастный перстень, отремонтировали, вставили новое, бронированное стекло, а место пропавшего экспоната заняла французская золотая вошеловка второй четверти XVI века с соответствующей подписью.

Но болезненное мельтешение в умах не прекратилось. Казалось, уже весь Эрмитаж, не только Западноевропейский отдел, вдруг заговорил об этом злосчастном перстне и связанном с ним убийстве — первом, кстати, в этих стенах за всю их более чем 100-летнюю историю. Образованные интеллигентные люди шепотом, вполголоса и строго между своими начали нести всякую мистическую дичь. Про эманации, трансцендентное, inferно и астрал. Слухи быстро выплеснулись в город и поползли по улицам, гостиным и кухням Ленинграда в уже упрощенном, понятном для народных масс виде. Кто-то из посетителей, оказывается, тоже наблюдал некие призрачные фигуры в Рыцарском зале и тоже, кстати, едва не был убит; кто-то потерял сознание у витрины с перстнем, кто-то потерял зрение, кто-то вообще сошел с ума... И свет там якобы отключался сам собой, и двери сами собой захлопывались, и так далее. В конце концов появились сведения, будто бы

уже бродит по залу призрак самого сторожа Сергеича с торчащим из груди обломком древнего кинжала и сшибает у посетителей мелочь на опохмел. В Рыцарский хлынули любопытные посетители, как будто там выставили новый редкий экспонат, что само по себе было неплохо, если бы не множество глупых вопросов, на которые приходилось отвечать смотрительницам зала.

Завотделом Наталья Ивановна Силуанова по прозвищу Железная Ната была вынуждена провести специальное собрание, где потребовала от сотрудников пресекать любые слухи, связанные с перстнем и вообще последними трагическими событиями, а также пригрозила самыми суровыми карами любому, кто будет уличен в обсуждении данной темы. При этом она пристально смотрела в сторону младшего научного сотрудника Трофимова, которого, видимо, считала главным источником неприятностей.

И зря. Трофимов, конечно, в последнее время уделял перстню много внимания, это был, что называется, «его» экспонат — выстраданный, выделенный им из множества других, его стараниями определенный в постоянную экспозицию. Пропажа перстня здорово огорчила Трофимова, оглушила, осиротила даже. Несколько дней он ходил будто с похмелья — руки дрожали, голова болела, еда в горло не лезла. Пока однажды кондуктор в автобусе, отрывая ему талончик, не произнесла вдруг густым мужским басом:

— Да хватит так убиваться, Ваня. Натешись еще колечком своим... И оно тобой натешится. Все-му свое время. Не горюй — и готовься!

С тех пор как перстень вошел в его жизнь, такие случаи «непроизвольного чревоуветования» Трофимов

наблюдал уже неоднократно. Однажды про перстень заговорила старушка, продававшая семечки, потом алкаш в парке завел сложный философский разговор... Потом они как будто выходили из гипнотического транса и не помнили, что говорили только что. Поэтому он не стал гадать, послышалось ему или не послышалось, а прямо спросил:

— Что значит — готовься?

Вместо ответа кондуктор вдруг встряхнула головой, заморгала часто, испуганно, и пропищала, почти проголосила тонким голоском:

— Кто не оплатил, граждане, а-апла-а-ачиваем!

Об этих случаях Иван никому не рассказывал. Как не рассказывал и о других необычных свойствах пропавшего перстня, о которых знал не с чьих-то слов, а из собственного опыта. Можно сказать, в этом смысле он был самым сдержанным и дисциплинированным сотрудником Эрмитажа, что бы там ни думала его начальница Наталья Ивановна.

* * *

«Не горюй и готовься». И в самом деле, ему ведь просто некогда горевать — он ведь кандидатскую диссертацию собирался писать об этом перстне! Профессор Сомов тему придумал: «Артефакты мировой религии — мифы и реальность», обещал даже научного руководителя подыскать! Кто за него, Ивана, будет заниматься этой работой?

Следующие несколько вечеров младший научный сотрудник Иван Трофимов провел в архиве Эрмитажа, где в конце концов нашел то, что искал, — сопроводительную записку к экспонату «Перстень базилевса» под инвентарным номером 6254875-ВТ.

Записка гласила: «Кольцо, изъятое у врага народа Визжалова А. С. (уголовное дело № такой-то) и, предположительно, имеющее историко-культурную ценность, направляется в Наркомпрос с целью его дальнейшего изучения. Особый Отдел ГУГБ НКВД, г. Москва, 12 августа 1937 г.». Ниже стояла написанная от руки резолюция: «В Госэрмитаж, на доп. исследования!» — и необычайно размашистая, в пол-листа подпись, которая, как решил Трофимов, могла принадлежать только наркому просвещения.

Кто такой Визжалов А. С.? Как у него оказался перстень? Может, это какой-нибудь известный человек? Князь, белый генерал? Английский шпион? Трофимов расспрашивал родителей, теток и дядьев — никому эта фамилия ни о чем не говорила. Поделился как-то за обедом с Киндяевым.

— Понятия не имею, что за шиш такой. Зачем он тебе? — спросил Киндяев.

— У этого Визжалова наш перстень изъяли, как у врага народа, в тридцать седьмом. Я в нашем архиве сопроводительную читал...

— Я с врагами народа не ручкался, — буркнул тот. — А ты все никак не успокоишься с этим чертовым перстнем?

Киндяев невольно скосил взгляд на свою правую ладонь, где до сих пор красовался след от ожога.

— Своровали его, Ваня, тю-тю, до свиданья. Теперь пусть тот, кому он достался, и ломает голову, откуда он, и зачем, и какой враг его нам подкинул...

— Я решил кандидатскую писать по этому перстню.

Киндяев чуть не подавился котлетой.

— Та-ак... А ты представляешь, какого штыка тебе забьет наша Железная Ната?

— Не важно. Профессор Сомов меня поддержит, если что, он мне сам эту тему и посоветовал. Вы скажите, как с этим Визжаловым дальше быть? Куда идти, с кем разговаривать? Вы ведь сами кандидатскую когда-то защищали, проходили через все это, а?

— Через что? Я, Ванечка, по истории хазар больше специализировался, а не по врагам народа и всяким криминальным артефактам. — Киндяев проглотил котлету, запил компотом, отставил тарелку. — Но если по уму, то в архив НКВД тебе надо, писать запрос на допуск к уголовному делу. Там все и прояснится. Если, конечно, допуск дадут. А чтобы дали, надо будет доказать, что ты не просто Ваня Трофимов, у которого случился острый приступ любопытства, а молодой перспективный ученый, работающий над серьезной научной проблемой. Здесь без Сомова твоего тебе не обойтись, и без Железной Наты, кстати, тоже. Потому что Ната — это Госэрмитаж, солидное государственное учреждение, для которого ты как бы и стараешься...

— Я не как бы, я в самом деле стараюсь! — вставил Иван.

— Вот и старайся, — буркнул Киндяев. — Хотя мой тебе совет: плюнь ты на этот перстень. Не потому, что чертовщина всякая и прочее... Пустое это, вот и все. Не наука, а дрянь какая-то. Даже сам не знаю...

Он сердито посмотрел на свою пустую тарелку с остатками горчицы.

— Вот представь, нашли какую-то рукопись на неизвестном языке. Как будто бы. Нашли и стали ломать голову, что там написано. Лучшие умы бились, бились над этой загадкой, сто лет бились, двести, триста. Наконец кто-то, светлая голова, сумел

подобрать шифр... И оказалось, что там какие-то похабные анекдоты записаны. Причем не смешные, а именно что похабные. Можешь себе такое представить?

Иван подумал, покрутил головой.

— Нет, Николай Петрович, не могу. Если есть загадка, так надо ее решать, так уж человек устроен. Что будет в ответе, наперед никто ведь не знает. А пока не узнает, так и покоя не будет.

— Да какой ответ, Ваня? Вот тебе ответ, любуйся.

Киндяев протянул ему свою правую ладонь, чуть ли не под самый нос ткнул. В середине ладони алел круглый шрам от ожога. Никому его Киндяев раньше не показывал, да и что там смотреть — шрам и шрам. Но сейчас Иван сразу понял, в чем дело: на коже из красных линий и точек проступала оскаленная львиная морда, точный отпечаток перстня.

— Похабно и не смешно, Ваня. Только что с этим ответом делать, решай сам, — сказал Киндяев, убирая руку.

* * *

Оформление всех необходимых бумаг заняло месяца полтора. За это время Иван Трофимов из рядового сотрудника Эрмитажа превратился в соискателя ученой степени кандидата исторических наук, молодого ученого, работающего над серьезной, перспективной и крайне важной для диалектического познания мира темой. Профессор Сомов, как и обещал, подобрал ему научного руководителя — завкафедрой истории Ленинградского университета Михаила Юрьевича Живицкого, специалиста союзного уровня по раннехристианской культуре Ближнего

Востока. Полный, пропахший душистым трубочным табаком и похожий на веселого медведя, Михаил Юрьевич благословил Ивана в его научных изысканиях, утвердил план работы на ближайшее время, пообещал всяческое содействие...

И — о чудо из чудес! — Железная Ната, суровая пуленепробиваемая начальница Трофимова, неожиданно благосклонно отреагировала на его решение заняться судьбой перстня. Даже загорелась, вспыхнула, можно сказать.

— «Мифы и реальность» — вот что важно, Трофимов! Вот! — горячо заявила она, нацелив куда-то в окно ручку-самописку. — Это вы с Сомовым правильно уловили! Потому что объективная реальность не оставляет от мифов камня на камне, проходя по ним диалектическим бульдозером! Вот и займись этим, и чем скорее, тем лучше! Надоели уже эти кликуши с их призраками и ритуальными убийствами музейных сторожей! Скоро про Эрмитаж фельетоны писать начнут, как о главном музее мракобесия!.. Давай, Трофимов, вперед!

Ивану даже почудились в ее голосе знакомые басовитые нотки, как в случае с кондуктором. Но в свете все той же объективной реальности следовало признать, что голос Натальи Ивановны и раньше не отличался женственностью.

...В положенный срок пришел ответ из Учетно-архивного отдела КГБ, где Трофимову предлагалось явиться по адресу Москва, Измайлово, Серебряный остров, д. 1, стр. 1 для ознакомления с интересующими его материалами.

Ясным октябрьским утром он прибыл в столицу — холщовый чемоданчик, плащ через руку, пят-

надцать рублей командировочных в кармане. С ним приехал и Киндяев: он находился в отпуске и хотел провести свою альма-матер — исторический факультет МГУ, да навестить сестру, с которой изредка переписывался, но не встречался уже несколько лет.

Первое, что они увидели, выйдя из здания вокзала на Комсомольскую площадь, была афишная тумба с изображением львиной морды с широко открытой пастью. Сразу трое элегантных молодых людей с прическами в стиле «бомонд» и жизнерадостными улыбками на лицах просунули свои головы в эту пасть, причем там легко поместилась бы еще и четвертая голова. «Московский цирк на Цветном бульваре! Сегодня и ежедневно! Берберские львы братьев Хатежных!» — гласил текст афиши.

И от этого на душе у Трофимова почему-то стало легко и приятно. Словно увидел, как отсюда и до немыслимой дали и выси, где сияет-переливается его готовая, в коленкоровом переплете, оформленная по всем правилам, с отзывами, заверенными необходимыми подписями и печатями, кандидатская работа, кто-то заботливо расстелил красную ковровую дорожку: иди, мол, не бойся! Как ни странно, но на Киндяева афиша тоже подействовала: он остановился, замороженно открыв рот, и радостно выдохнул:

— Поеду посмотрю представление — сто лет в цирке не был!

Это было настолько не похоже на аскетично-сдержанного старшего научного сотрудника, который никогда не говорил ни о чем, кроме работы, ни к чему, кроме нее, не проявлял интереса и откровенно чурался развлечений, что Трофимов только головой покрутил.

— Конечно, развлекитесь, Николай Петрович, это московский воздух на вас хорошо действует! До встречи в Эрмитаже!

Архив НКВД находился в бывшей церкви на окруженном водой острове на окраине Москвы, к нему вела единственная дорога со шлагбаумом и КПП. Пропуск уже был готов. Трофимова проводили в кабинет к дежурному по отделу, который, не отрывая взгляда от бумаг на своем столе, расспросил, что именно его интересует в деле Визжалова. А через десять минут Иван сидел за столом в маленькой подвальной комнате — наверное, бывшей монашеской келье, — разделенной надвое стеклянной перегородкой, по другую сторону которой находился какой-то рыжеволосый тип в штатском. Положив голову на согнутую в локте руку, он молча смотрел на Трофимова. Может, спал с открытыми глазами, кто его знает.

Перед Иваном лежала тоненькая папка с несколькими пожелтевшими от времени листками с машинописным текстом. Он прочел все от корки до корки. Ничего не понял. Прочел еще раз. Вдруг резко разболелась голова. Тяжелый сводчатый потолок над головой стал давить и, казалось, вот-вот обрушится на него. Захотелось в туалет — так сильно и внезапно, будто он не то что застудил, а отморозил себе мочевого. Трофимов поднял голову, чтобы спросить рыжеволосого, где тут уборная... И увидел, что тот целится в него из пистолета. Прищурился одним глазом и приоткрыв рот в пренебрежительном, брезгливом оскале, он водил вверх-вниз вороненым стволом, выбирая, очевидно, какую часть головы Трофимова разнести на куски...

— Что случилось, гражданин?

Иван моргнул. Все прошло так же внезапно, как и началось. Ни оскала, ни ствола. Рыжеволосый сидел как сидел, уронив голову на руку, и с ленивым любопытством разглядывал его.

— Хотели что-то спросить?

— Я...

И в туалет тоже расхотелось. И голова прошла. Только в горле пересохло.

— Здесь попить где-нибудь можно? — охрипшим голосом спросил Иван.

— На выходе попьете, — безразлично бросил рыжеволосый.

Ладно. На выходе, так на выходе. Иван перечитал текст третий раз. Это был протокол допроса. Комиссар госбезопасности третьего ранга Визжалов Аристарх Сидорович (в скобках сверху почему-то написано «Выезжалов» и зачеркнуто) обвинялся в госизмене, подрывной деятельности и создании преступной религиозно-террористической организации под названием «Черная гвардия», главным магистром которой являлся сам нарком внутренних дел Ягода Генрих Григорьевич...

«...В 1925 году я служил старшим сотрудником по особым поручениям оперативного отдела ОГПУ г. Ростова-на-Дону. Моя девушка, Котик Татьяна, журналист местной газеты, однажды познакомила меня с Петром Дороховым по кличке Седой...

...да, я знал, что Дорохов был бандитом и налетчиком, а также что гражданка Котик была его любовницей, но это меня не смущало...

...неоднократно помогал Дорохову скрываться от справедливого возмездия, используя свое служебное по-

ложение. За это он делился со мной деньгами, нажитыми грабежами и убийствами...

...говорили, что этот «львиный» перстень с черным камнем, который он всегда носил на пальце, обладает сверхъестественной силой, благодаря чему Дорохову всегда и во всем сопутствует удача...

...решил завладеть перстнем и деньгами Дорохова. Для этого я сдал его органам ОГПУ и организовал его задержание, в ходе которого застрелил Дорохова. Перстень я сразу забрал себе. Вскоре я женился на его бывшей любовнице Котик Татьяне...

...перевели в Москву, и там я начал быстрое продвижение по службе, что подтверждало мысль о сверхъестественных свойствах перстня. Во время кадровой аттестации я познакомился с Генрихом Ягодой, который в то время возглавлял НКВД. Он проявил интерес к этому перстню, высказал несколько суждений о том, что все мы на самом деле служим не партии и народу, а Люциферу и что давно пора это признать...

...каждую пятницу. Кровь потом смывали. Как правило, в жертву приносили людей рабоче-крестьянского происхождения, морально устойчивых и идеологически подкованных, т.к., по циничному утверждению Ягоды, наш хозяин предпочитает мясо «с легким марксистско-ленинским душком»...

...на которых мы с врагом народа Ягодой Г. Г. и другими членами «Черной гвардии» планировали убийство товарищей Сталина и Ежова, введение на территорию СССР интервентских сил и захват власти. Заседания обычно заканчивались оргиями, в которых участвовали как законные супруги членов организации, так и женщины легкого поведения, которых специально доставляли на дачу Ягоды Г.Г... »